

ВЛАДИМИР ЯШКЕ

РУССКОЕ БУСИДО (Судьба отца)

...Я уж и не помню, как заснул где сидел, на кушетке, под глухое бормотание дикторов «Би-би-си».

Вскоре отец в очередной раз пытался покончить с собой и опять, к счастью, неудачно.

Сразу после того он вышел в отставку, не выходя из запоя, но в чине капитана второго ранга и с сохранением должности начальника Б.Ч.-5 (ходовой части), инспектора по паросиловым и разрабатываемым с его участием новым газотурбинным установкам.

Увлёкся на досуге строительством сарая из дичка и садоводством с виноградарством под окном. Потом все забросил и все читал и писал и чертил что-то. Потом у нас был жуткий скандал: оба сорвались. Потом оба рыдали. Потом помирились, рыбачили, ходили в горы, охотились с гарпунами на Феоленте, у Трёх Скал, в Херсонесе, на Паршивке, Учкучевке, Бельбеке, у Константина (равелин) за бонным противоположным ограждением. Он стал мне читать письма и военные дневники. Впервые связно рассказал о японской войне и о своей подруге в Порт-Артуре — японке («Матери не говори...»). Потом разругался с моей матушкой, ушел из дома и в 1964 году сгорел заживо 45-ти от роду лет на частной квартире при обстоятельствах, мне неизвестных. Потом он лежал в гробу в Доме офицеров. Потом его хоронили, и почетный караул стрелял в небо. Потом пришли люди в военном и в штатском и вынесли все, что имело к нему отношение: дневники, чертежи, записные книжки, тетради с его стихами и прозаическими опусами, карты морей — океанов, справочные записи, конспекты — все до малейшей ничтожной бумажки.

И не осталось почти ничего.

Осталась только память.

Мне было 16 лет.

Севастополь, 1964 СПб, 1993